

Искать, все время

искать...

С кем протекли его
боренья?
С самим собой, с самим
собой.
Борис ПАСТЕРНАК.

Конец октября 1848 года. Но московское утро было ясное, солнечное. По широкой Мясницкой проносились коляски, легкие эlegantные экипажи, беговые дрожки... Быстрее, опережая всех, мчалась двухместная пролетка, запряженная рысаками в серых яблоках. Чувствовалось, что сидевшие в пролетке молодые люди понимали толк в лошадах. По их одежде видно было, что принадлежали они к высшему сословию. Длинный сюртук из дорогого сукна, голландская рубашка, руки затынуты в перчатки. Пролетка с рысаками поравнялась с заплатанными облезлыми дрожками. Сидящий на них молодой человек выглядел столь же убого. Юный щеголь небрежно оглядел его и сказал презрительно: «Ну и дрянь человек!». «Почему дрянь, Левушка?» - изумленно спросил старший брат Николай. Левушка, в свою очередь, удивленно посмотрел на него: «Да как ты не понимаешь, Николаенька! Ведь он же без перчаток!» Брат расхохотался.

Левушка в те дни отдавался светским увеселениям, любил бывать на балах, мечтал быть настоящим аристократом не только, как он, по рождению, но и по образу жизни. И потому убежденно отставив аристократический идеал человека - *comme il faut*, что с французского переводится как благовоспитанный. Как для одних люди подразделяются на добрых и злых, богатых и бедных, умных и глупых, для юного Левушки любимым разделением людей было на *comme il faut* и на - не *comme il faut*. Вторых, чуждых ему, он узнавал по плохому выговору французского. Презирал за дешевую коляску, за отсутствие перчаток на руках. «Пустячный мальи!» - говорили о нем в ту пору даже любившие его братья.

Придет более сорока лет. В Москве ездят пролетки, дрожки, но уже появились конка и железная дорога. Был солнечный апрельский день. На Николаевском вокзале люди, встречавшие поезд, торопливо сновали вдоль вагонов. Только один старик в длинной холщовой блузе, подпоясанной желтым ремнем, стоял и смотрел на многолюдье зоркими голубыми глазами. Было что-то исконно крестьянское в грубых и скорбных морщинах лица, в узловатых руках, казалось, привыкших к тяжелому мужицкому труду, в струящейся седой бороде.

Княгиня N, жившая в Петербурге и приехавшая в Москву навестить родню, ласково обратилась к старику: «Мужичок, не несешь вещи до кареты, я тебе целковый заплачу!» Он легко поднял дорожные вещи и понес к elegantному экипажу. «Княгиня! - в ужасе сказала

встречавшая ее красивая молодая женщина. - Вы за мужика приняли графа Толстого!» Знатная дама смутилась, и, извиняясь, попросила графа вернуть целковый. «Нет, княгиня, - смеясь сказал на чистейшем французском Лев Николаевич, - свой целковый я заработал честно». В те вешние дни Толстой, работая над романом «Воскресение», проходил от Бутырской тюрьмы до Николаевского вокзала весь путь вместе с арестантами.

Так что же отделяет юного аристократа Левушку Толстого от старика в крестьянской одежде, разделяющего с арестантами, с «несчастенькими», как их называли в народе, их скорбный путь? Что разделяет - бездна, пучина или разные вехи пути? Пути в высоком бытийном значении этого слова. «Крепкий путь», то есть каменный, сказал о своем пути Лермонтов. Лучше всего это сокровенное понимание Пути выразил молодой Лев Толстой осенью 1857 года в письме из Москвы к родственнице: «Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие - это душевная подлость». Незадолго до ухода из Ясной Поляны в свой последний Путь он перечел эти строки и записал в дневнике, что и «теперь ничего бы не сказал другого». Смерть постигла писателя тоже в пути - на безвестной тогда станции Астапово, затерянной среди равнин России. Незадолго до кончины он прозвонит глуховатым слабеющим голосом: «Искать, все время искать».

А 22 ноября (н. ст.) 92 года назад, в холодный день, Россия прощалась с великим писателем. В Ясной Поляне - безбрежное море людское. Из одной Москвы уацейся молодежи приехало 5 тысяч человек. А уже потом, когда опускали гроб, толпы людей встали на колени... «Он был нашей совестью», - говорили русские и зарубежные почитатели Толстого.

В нынешнюю осень вспоминают о начале творческой деятельности великого писателя. Этому событию посвящены и Толстовские чтения 2002 года, и воскресные беседы в музее писателя на Пречистенке. Ведь 150 лет назад, 6 сентября в журнале «Современник» была напечатана «История моего детства». Автор, солневаясь в успехе, подписал его «LN» и не открыл своего имени даже редакции журнала. Но уже первое опубликованное произведение - уникальнейший случай в истории русской литературы - был встречен восторженно профессиональными литераторами. «Талант надежный», - сказали Некрасов и Тургенев. Кстати, повесть, которая написана в станице Старогладковской, где в артиллерийской бригаде началась военная служба Льва Толстого, тоже явилась вехой, новым обретением обновленного себя в Пути. На Кавказ молодой Толстой сбежал от долгов, картонных проигрышей, пьяных кутежей, страсти к женщине. Бежал, как признался, от беспутной жизни, тревожась за себя... И, может, инстинкт самосохранения заставил обратиться его к началу жизни, к светлым дням детства. К той поэтической поре, когда девятилетний Лева мечтал летать навзду...

Это событие произошло уже в Москве. Маленький Толстой с семьей впервые приехал в Москву из Ясной Поляны. Они поселились в приземном доме на Плющихе (ныне дом 11). Оставшись один в мезонине, Лева решил удивить ок-

ружающих чем-нибудь необыкновенным. Ему очень хотелось полетать - надо только сесть на корточки, обнять руками колени - чем сильнее сожмешь их, тем выше полетишь. Левушка забрался на подоконник и прыгнул со второго этажа во двор... Чудом все обошлось. Верно: «Писатель - растение многолетнее». Пройдут долгие годы, и свою детскую мечту о полете Толстой вложит в уста любимой героини - Наташи Ростовской. А люди, с которыми Лева жил в этом московском доме, общался, встречался, как живые, предстанут в повести «Детство». Полтора года прожила семья Толстых на Плющихе безвыездно. Никогда более Толстой так долго в Москве не жил. Даже когда 120 лет назад такой же глухой осенью поселился в старинном усадьбном доме на окраине Москвы, в Долгохамовническом переулке.

Он прожил в Москве девятнадцать зим, но уже с весны уезжал в Ясную Поляну. Семейные обстоятельства, забота об образовании подростков детей вынудили писателя переехать на житье в Москву. Толстой решил лучше узнать жизнь города и зимой принял участие в московской переписи населения 1882 года. Через газету «Современные известия» он обратился к интеллигенции со статьей-призывом. Писатель убеждал, что перепись если «не лечение, то попытка исследования болезни». «Перепись выводит перед глазами нас, достаточных и так называемых просвещенных людей, - писал Толстой, - всю ту нищету и задвленность, которая таится во всех углах Москвы».

Толстой переехал в Хамовники, находясь уже на новом этапе своего Пути. В то мучительное для него время, когда в душе произошел переворот, глубочайший нравственный перелом, нашедший отражение в статьях и, конечно, в «Исповеди», где он творит суд над прожитой жизнью: «Я убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтоб убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодеяние всех родов, пьянство, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал, и за это меня хвалили, считали и считают мои сверстники сравнительно нравственным человеком». Такой суровый характер самооценки обычен для Толстого на том этапе Пути, но, согласитесь, уж очень непримирим и нравственно высок.

...Спешу обрадовать москвичей - после уникальной реконструкции вновь открыл в эти осенние дни двери мемориальный музей-усадьба писателя. Все воссоздано так, как было 120 лет назад. И даже гул огромного города не доносится сюда - ведь Толстой для работы искал тишины и покоя. Здесь, в небольшом кабинете за дубовым столом с резными ножками, он писал роман «Воскресение». Кстати, символично, что последним в своей жизни романом писатель завершил XIX и начал новый - XX век.

На следующий год весь мир будет отмечать 175 лет со дня рождения Льва Николаевича Толстого. А я напомню, что воскресные беседы на Пречистенке, в музее Льва Толстого, посвящены началу творческой деятельности гения. И 24 ноября пройдет беседа «А что мне делать, кроме писания?» Об истории литературного рождения никому доселе неизвестного прапорщика Л. Толстого, чуть было на Кавказе не попавшего в плен к чеченцам, когда его отряд двигался в крепость Грозный...

Дилара ЕНИКЕЕВА.

Моя правда - 1000 - 13 нояб. - 15